

О. М. Луговой

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА МИРА ГЛАЗАМИ ВИЗАНТИЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА X ВЕКА

Представления византийских правителей об окружающем их мире часто описывают в категориях чисто империалистической претензии на всемирную власть в соединении с чрезмерным увлечением античной литературой, в частности географической. Действительно, образованные византийцы часто смотрели на другие страны через призму античной системы географических и этнических наименований. Они даже не считали нужным изучать другие языки, кроме греческого и латыни. Соответственно, самоназвания стран, городов и народов имели немного шансов попасть в произведения грекоязычных авторов. Теория ромейского (римского) ойкуменизма же заставляет рассматривать Империю как всемирную, а жителей прочих стран как бунтарей, которые рано или поздно должны осознать свои ошибки и признать превосходство василевса ромеев. Некоторые страны действительно вынуждены были вступить в достаточно тесные взаимоотношения с Империей и признать ее сюзеренитет. С легкой руки Дмитрия Оболенского это сообщество стран получило название «Византийского содружества наций».

Однако, иллюзия всемирной монархии неизбежно сталкивалась с необходимостью поддерживать дипломатические отношения со странами, которые хорошо осознавали свой суверенитет и были населены вполне реальными франками или арабами.

Наиболее информативным текстом, отражающим представления византийцев о политической картине мира, как кажется, является глава 48 книги II трактата «О церемониях Двора». Эта глава содержит «список адресатов», перечень титулований иноземных правителей и соответствующих титулований адресантов – ромейских василевсов, которые также менялись в зависимости от того, кому направлялось письмо.

Долгое время был известен лишь один манускрипт с текстом трактата, найденный в университетской библиотеке в Лейпциге (Lipsiensis Rep. I. 17

или Bibl. Urb. 28) и опубликованный Иоганном Йакобом Райске и Хенриком Ляйхом в 1751–1754 гг. Это издание было перепечатано позже в Боннском корпусе. Сейчас известно четыре манускрипта от X до XIII вв., содержащих различные фрагменты или полный текст трактата.

Традиционно автором трактата считают ромейского императора Константина VII Порфирогенета (Багрянородного) из Македонской династии, правившего Византией в 913–959 годах, но до 945 года пребывавшего в тени своих соправителей из семьи Лакапин. Впрочем, некоторые фрагменты трактата относятся по содержанию к правлению уже Никифора Фоки. Английский византист Джон Бари считал, что 48-я глава вместе с 46-й и 47-й представляли собой отдельные тексты, которые предполагались Константином к включению в трактат «О церемониях», но в реальности были просто механически к нему присоединены.

Источником для создания раздела служили реальные документы, копии которых хранились в архиве императорской канцелярии или логофета дрома. Это могли быть документы разного времени, а значит, мы не можем рассматривать структуру политических взаимоотношений, отраженную в трактате, как полностью синхронную. И все же уникальный материал 48-й главы дает возможность не только увидеть мир европейских и ближневосточных правителей глазами василевса ромеев, но и попробовать уточнить отрезок времени, когда в архиве откладывалась дипломатическая переписка, ставшая источником для трактата.

Уникальность документа обратила к нему внимание многих исследователей, и он имеет широкую историографию. Тщательному анализу «список адресатов» подвергли в разное время Георгий Острогорский, Франц Дёльгер, Арнольд Тойнби, Вернер Онзорге, Йадран Ферлуга и Карен Юзбашян. Исследователи по-разному видели структуру мировой иерархии или нескольких иерархий, представленных в трактате.

В этой лекции мы проследим особенности политического взаимодействия групп государств, подлежащих василевсовой «деспотии», управляемых «духовными сыновьями» василевса, его «духовными» братьями, «друзьями», и полностью нейтральных государств. Также попробуем продатировать ту воображаемую картину, которую написал нам автор трактата «О церемониях Двора».

Духовные сыновья

Немецкий византист Франц Дёльгер, исследовавший в середине XX века внешнюю политику Византии, на основе «списка адресатов» восстановил «семью королей» византийского императора. Для него было несомненно, что здесь имеет место систематическая конструкция

мировой семьи василевса, который является ее отцом с правом *patria potestas*.

Трактат «О церемониях» действительно демонстрирует даже несколько иерархий правителей с василевсом во главе. Одна из этих иерархий отличается почетностью. В ней правители являются «духовными сыновьями» (πνευματικὸν τέκνον) василевса, включенными в царскую «семью». Таких сыновей у царя три: василевс Вулгарии (Болгарии), царь царей Великой Армении и экзусиократор Алании.

Правитель Болгарии встречается в разделе дважды. Первый адресат – «архонт Вулгарии», но даже архонт – уже «желанный и духовный сын» василевса Византии. Этот статус получил Борис I после принятия крещения в 865 году. В предыдущей, 47-й, главе трактата обращение к правителю Болгарии звучит как «духовный внук святого нашего василевса от бога архонт Вулгарии», а после «возведения в сыновство» – «духовный сын». Аналогичным образом звучит титулатура правителя Болгарии в 48-й главе: «желанный и духовный наш сын и от бога архонт христианнейшего народа вулгар». И тут же дополняется, что недавно титул изменился: «желанный и духовный наш сын, василевс Вулгарии».

В 913 г. Симеон добился от константинопольского патриарха Николая Мистика коронации стеммой, короной василевса, и обещания бракосочетания дочери Симеона с молодым Константином. Хотя есть сомнения, насколько действительно «царским» было коронование Симеона, но важно другое. Роман Лакапин в письмах 925–926 гг. называл Симеона даже «духовным братом». Так главный тогда соперник василевсов получил место в «семье королей», хотя василевсом в Константинополе Симеона и не признавали.

Лишь осенью 927 г. брак Петра, сына Симеона, с Марией, внучкой Романа I, сделал возможным признание за Петром титула «василевса болгар», который уже фактически завоевал его отец и который Петр использовал на своей печати. Были признаны границы его государства по состоянию на начало X в. Посредством Марии правительство Константинополя могло контролировать Преславскую политику. Получил признание Болгарский патриархат, перемещенный в Доростол, подальше от столичного Преслава. Г. Острогорский обращает внимание на то, что к «архонту Болгарии» обращались просто «василевсы ромеев», но к «василевсу Болгарии» должны были обращаться уже «автократоры василевсы ромеев». Даже признание за правителем Болгарии титула василевса не делало допустимым сокращение дистанции между ним и василевсом ромеев. Хуже того, для Романа Лакапина Петр Болгарский был «духовным внуком» (ὁ πνευματικὸς ἑγγονος), как он назван в главе, посвященной протоколу приема послов при первом

упоминании о болгарском царе. Второе упоминание – «после изменения имени и сведению к сыновству» – «духовный сын» (*De ceremoniis*, II, 47) относится ко времени после прихода к власти Константина Порфирогенета, для которого Петр была не внуком, но мужем племянницы жены. Но почему же в этой главе он назван архонтом, а в следующей – василевсом? Ведь Петр с самого начала своего правления получил такое признание. Возможно, что все три титулатуры «архонта Вулгарии» относятся к более раннему периоду и «духовным внуком» был, например, царь Владимир, сын Бориса.

Как бы то ни было, с Болгарией Византия поддерживала мир, обеспеченный присутствием Марии, жены Петра, до 965 г. Этот мир оплачивался существенной суммой, отчислявшейся фактически на содержание царицы. И даже в 968 г., когда на пороге был очередной конфликт между двумя василевсами, болгарский посол занимал почетное место за столом императора среди прочих послов, что так поразило Лиутпранда Кремонского (*Relatio de legatione*, 19).

Проблематично появление среди «духовных сыновей» василевса экзусиаста или экзусиократора Алании, которому, правда, направлялся лишь двухсолидовый хрисовул, как и архонтам, прямо подчинявшимся василевсу. Письма патриарха Николая Мистика показывают, что с 914 г. византийская церковь активно насаждала христианство на Северном Кавказе. Однако после 931/2 г. (по аль-Масуди) аланы изгнали ромейских епископов. Лишь в 990-х гг. в источниках снова встречается аланский митрополит. Еще важнее, что первая христианизация алан проводилась при содействии и по инициативе правителя Абхазии («абазгов»), но правитель Алании в списке адресатов введен в семью василевса, а правитель Абхазии так и остался лишь подчиненным.

Однако, Константин Багрянородный отмечает, что аланы составляют противовес хазарским амбициям в отношении крымских владений Византии (*DAI*, 10). Аль-Масуди подчеркивает воинственность царя алан, имеющего тридцатитысячное войско, его твердую политику и численность поселений в царстве. Наконец, подлинность сообщения нашего источника подтверждается опубликованной Г. Шлёмберже печатью экзусиакратора Алании Гавриила (надпись: ΓΑΒΡΙΗΛ ΕΞΟΥΣΙΟΚΡΑΤΟΡ ΑΛΑΝΙΑΣ), которую он относил к X в. Сейчас эту печать из коллекции Эрмитажа датируют второй половиной XI в. Очевидно, что аланский вектор политики Романа Лакапина пока скрывает какие-то очень важные события, а положение правителя алан в исследуемом трактате следует датировать 920-ми гг.

По совокупности данных о стоимости печати, титулованию адресата и адресанта почетным эпитетам первое место среди «сыновей» василев-

сов занимает правитель Великой Армении, названный автором трактата архонтом архонтов. Этот титул полностью соответствует армянскому «ишханац ишхан» и арабскому «батрик ал-батарики». Впрочем, в самой формуле обращения императорская канцелярия избегает употреблять этот титул. Тут он назван «протом» Армении.

«Духовность» родства армянского правителя с ромейскими василевсами вызывает серьезные вопросы. Ведь Армянская Григорианская церковь последовательно не признавала Халкидонский Собор и считалась в Византии еретической. Очевидно, потребности политического характера в данном случае были важнее корректности формулировки символа веры.

«Великая Армения» трактата «О церемониях» является монархией Багратидов, а не широким географическим понятием, известным с древности. Великой Арменией называл Иоанн Скилица государство царей Иованнеса-Смбата и Гагика I. К Армении в широком смысле слова, кроме багратидской «Великой Армении», также принадлежит ряд владений, попадающих в совершенно другую категорию.

В 884 или 885 г. халиф аль-Мутамид прислал Ашоту Багратиду в Ани царский венец. То же самое сразу сделал и император Василий и заключил с ним союзный договор. Иованнес Драсханакертци (29) свидетельствует, что уже Василий в своем письме называл Ашота своим сыном возлюбленным.

Ашот умер в 890 г. Его сменил Смбат I, просивший халифа подтвердить свое избрание царем. Но еще более сильным было его стремление продолжить политику отца в отношении Византии. Иованнес Драсханакертци неоднократно подчеркивает сыновнее отношение Смбата к императору Льву Мудрому. В 893 г. заключен союз против арабов. Смбат развернул масштабную, впрочем неудачную борьбу с мусульманскими эмирами Азербайджана Афшином и Йусуфом. В 908 г. от Армении откололся Васпуракан во главе с Гагиком I Арцруни, которого поддержали халиф и Йусуф ибн Дивдад Абу ас-Садж, правитель Азербайджана. Смбат понес поражение и был вынужден отступить в Кларджети. На сторону арабов перешел спарапет царя, наконец сам Смбат попал в плен, где и погиб в 914 г. События подробно описывает Иованнес Драсханакертци. Он говорит о приказе императора отправить на помощь Смбату большое войско, однако поход не состоялся из-за смерти императора. Его брат Александр также был больше озабочен внутренними распрями. Католикос Иованнес в своем письме новому императору, юному Константину Багрянородному, говорит о Смбате I, который «удостоился быть Вами названным, Вашим духовным сыном и Вашим рабом».

Ашот II, сын Смбата, после гибели отца в течение долгого времени находился в Константинополе. Константин нарек его «сыном мученика

и своим любимым чадом» и предоставил поддержку в борьбе за возвращение власти на Кавказе. С помощью византийского вмешательства Ашоту к 919 г. удалось заставить Йусуфа признать его права на армянский престол. В своем послании № 101 (915 или 922 г.) Николай Мистик пишет, что василевс счастлив, что Ашот II выполняет его повеления, и снова называет его «нашим возлюбленным сыном».

Прочный мир с Арменией против Халифата продержался до 959 г. Цари Великой Армении оставались «сыновьями императора» до Ашота III, до 977 г. Однако наследники Ашота II прекратили именоваться архонтами архонтов, а Аббас I Багратуни (929–953) был низведен в сан магистра, что дает основания датировать попадание титула правителей Армении в «список адресатов» временем после 929 года.

Духовное отцовство

«Список адресатов» начинается с указания на «духовного отца» василевсов – Папы Римского. Характерно, что в разных частях списка Папа упоминается дважды с разной стоимостью буллы (1 или 2 солида). Сравнительная незначительность хрисовулов контрастирует с титулом «духовного отца». Однако Ж. Дагрон высказывает предположение, что переписчик заместил здесь единицей (Α) четверку (Δ), похожие палеографически. Вероятнее всего, что Папа Римский упоминается один раз как церковный патриарх, а второй – как один из западных правителей.

Важно при этом, что ни один другой церковный иерарх не внесен в разряд «духовных родственников» василевса, а Константинопольский патриарх отсутствует, поскольку относится к разряду подданных императора. Хотя конфессиональные традиции восточной и западной церквей уже разошлись, но церковь пока представлялась как единая система, в которой Папа Римский имеет «первенство чести» относительно других патриархов, включая Константинопольского. Поэтому неудивительно, что в международной системе властителей он был единственным правителем, кто мог претендовать на титул «духовного отца» василевса.

Связи Константинополя со старым Римом были довольно оживленными. Когда в 885 г. полководец Никифор Фока взял Амантию, Тропею и крепость св. Северины, действия ромейского флота были настолько убедительны, что Папа Стефан V пригласил ромеев охранять побережье Италии близ Рима. Папа Иоанн VIII сыграл выдающуюся роль в формировании коалиции, одолевшей арабов при Гарильяно в 915 г. Римские легаты присутствовали на соборе 920 г., запретившем четвертый брак и таким образом бросившем тень на происхождение Константина VII. Это, безусловно, соответствовало интересам семьи Лакапинов. Роман Лакапин добился так-

же того, что Папа Иоанн XI одобрил избрание патриархом его 16-летнего сына Феофилакта. Легаты Папы по прямому приглашению Романа принимали участие в посвящении нового православного иерарха в 933 г.

Рим представлен не только церковным иерархом, но также и загадочным «принцепсом» с удивительно скромной формулой обращения. К тому же Папа Римский (ὁ ἀγιώτατος ἐπίσκοπος Ρώμης) вместе с принцепсом упомянуты также в предыдущем разделе трактата (De ceremoniis, II, 47). В период, который нас интересует, когда светская власть над Римом была в руках знатных римлян, фактически контролировавших выборы Пап, только один человек носил этот титул. Его история такова.

Марозия, дочь римского сенатора Феофилакта, поочередно становилась женой упомянутого уже Альберика, герцога Сполето, затем – Гвидо, маркграфа Тосканы, и наконец Гуго Арльского, короля Италии. Также она возвела на папский стол своего сына – Иоанна XI. Однако другого ее сын, Альберик Младший, остался без реальной власти и в 932 г., когда Гуго венчался в Риме с его матерью, поднял восстание и захватил власть. Именно Альберик II в своих дипломах стал именоваться не просто «патрицием и сенатором римлян», но *Princeps atque Senator omnium Romanorum*. Правление Альберика продолжалось до его смерти в августе 954 г. Известно, что Альберик активно вел переговоры с Романом Лакапином, союз с которым мог бы быть полезен в условиях противостояния с Гуго. Он даже надеялся породниться с семьей василевсов. Константинопольские власти определенно признали его титул, но Альберик не превратился в подчиненного архонта. Ему удалось заложить фундамент под долговременную власть его потомков, графов Тускулумских, над Римом, длившуюся до XII в.

Духовное братство

Папа Римский имел множество «духовных сыновей» помимо василевса ромеев. Монархи Западной Европы, наследники королей франков получивших некогда крещение из Рима, оказывались таким образом «духовными братьями» василевсов. «Список адресатов» ни в коей мере не выказывает верховенства василевса над ними, скорее создает единое международное поле, в котором правители исповедуют одну веру и потенциально могут быть объединены династическими союзами.

Отметим, что зона «духовных братьев» отличается очень неопределенными географическими пределами. Создается впечатление, что императорская канцелярия лишь примерно знала, какие где-то на западе должны быть страны, однако конкретными и актуальными данными не обладала. Здесь присутствует и типичная для прочей византийской географической

литературы антикизация географических названий и, возможно, возврат к несуществующим уже реалиям.

«Духовными братьями» василевсов названы короли (в единственном числе $\rho\eta\chi$ или $\rho\eta\chi\alpha\varsigma$ от лат. *rex*) Баварии, Саксонии, Германии, Галлии и (отдельно и особо почтительно) Франгии. Понятие $\rho\eta\chi$ $\Phi\rho\alpha\gamma\gamma\acute{\iota}\alpha\varsigma$ употреблялось императорской канцелярией двояко. С одной стороны, им обозначали всеобщего правителя франков, наследника Карла Великого. Карл единственный получил в 812 г. признание как василевс франков. Его сыновей именовали в Византии исключительно эллинизированным латинским термином «рекс». В своих посланиях императоры так обращались к правителям отдельных франкских королевств, в первую очередь – правителей Восточного франкского королевства и Италии.

Выделенность правителя Франгии в списке дала повод Г. Острогорскому считать его титул заимствованным из переписки каролингского времени. По мнению же В. Онзорге, под рексом Франгии надо понимать первого правителя Западной империи, претендовавшего на то, чтобы быть всеобщим монархом франков (*Gesamtherrscher*) – Оттона I, он же введен под титулом $\rho\eta\chi$ $\Sigma\alpha\zeta\omega\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$. Другие франкские «подкороли» (*Unterkönigen*) в списке введены ранее не как правители различных королевств, но как правители одного и того же королевства Восточных франков, но в разное время. Под $\rho\eta\chi\alpha$ Βαϊούρη , о котором сведения уже ко временам Константина такие смутные, что надо уточнять, что он является правителем «немцев», скрывается король Арнульф (887–899 гг., император с 896 г.), имевший свою резиденцию в Баварии и принимавший там в 894 и 896 гг. посольства от василевса Льва VI. В. Онзорге учитывает гипотезу о том, что здесь речь может идти о герцогах Баварии, однако считает такую точку зрения менее весомой. По этой логике королем Германии должен быть сын герцога Франконии Конрад I, король в 911–918 гг. Ф. Дёльгер предложил к «королю Галлии» палеогеографическую конъектуру «король Италии», ведь королей Италии здесь действительно очень не хватает, в отличие от правителя западных франков, с которыми византийское правительство тогда почти не контактировало.

В. Онзорге высказал предположение, что «король Галлии» – это Людовик Слепой, король Прованса и Нижней Бургундии в 887–928 гг. Контакты с Византией у него наладились тогда, когда он в 900 г. пересек Альпы, провозгласил себя королем Италии и был венчан императором.

Все указанные мысли имеют те или иные недостатки. В. Онзорге, как и А. Майер, отверг уточнения автора списка «надписания всем названным», которое надо понимать лишь как обобщение адресатов, реально существующих и допустимых для применения в дипломатической переписке в дальнейшем. Автор трактата «О церемониях» сознательно пере-

числяет ряд потенциальных адресатов. Перечень опирается на реальный дипломатический опыт, а можно ли себе представить, чтобы, например, император Арнульф принял послание, адресованное «королю Баварии»?

Поэтому попробуем восстановить список «духовных братьев» императора, отталкиваясь от актуальности его на момент формирования «списка адресатов» – 920–940-е годы, как это делает Ж.-М. Мартен.

В этом случае король Саксонии и король Германии – одно и то же лицо, Генрих I (919–936) и его сын Оттон I (разумеется, до 952 г.), оба объединявшие титул герцога Саксонского и короля Германии. В 952 г. Оттон, к тому же, возглавил Италию и сразу передал ее как лен Беренгару II. С императором Константином он поддерживал тесные контакты уже с 945 г. После коронации в 952 г. Константин называет его «великим королем Франгии и Саксонии» – Ὁτὼ τῷ μεγάλῳ ῥηγὶ Φραγγίας, τῆς καὶ Σαξίας (DAI, 30), что предполагает возможность использования для более раннего времени отдельного титула «король Саксонии» и, одновременно, доказывает, что титул «короля Франгии» относится к римскому императору на Западе.

Король Баварии – Арнульф Злой, фактически независимый до 938 г. правитель герцогства, хорошо известный в Византии и среди балканских славян благодаря борьбе с мадьярами и походу в Италию.

Остается важный вопрос – отсутствие в перечне правителя Италии и необъяснимое наличие короля Галлии. Это тем более странно, что правитель Италии должен занимать одно из крупнейших мест в системе внешних связей Византии и в «духовной семье» василевса. Кроме принадлежности к единому коллективу христианских правителей, важным и очевидным признаком родства в данном случае становятся династические связи. И самое главное, какие именно правители могли быть названы «королями Франгии» до коронации Оттона I?

В 1914 году будущий профессор медиевистики Кембриджского университета Ч. В. Превите-Ортон предположил, что Анна, дочь Льва Мудрого от брака с Зоей Зауца, была выдана замуж за Людовика III, графа Провансальского, императора римского на Западе. На брак дочери Льва Мудрого и кузена Берты Тосканской, не называя имен, указывает в одном из своих писем Николай Мистик. Сын Людовика III Карл Константин, граф Вьеннский, носил необычное для франка имя греческого происхождения, имя его вероятного дяди Константина Багрянородного. Реймский анналист конца X века Рихер говорит, что Карл Константин хоть и королевского рода, но запятнан конкубинальным происхождением своих предков. Ч. В. Превите-Ортон считал, что речь идет о матери Анны, Зое Зауце, которая долгое время была наложницей Льва VI, и матери самого Льва VI, которая была наложницей Василия I.

В дальнейшем гипотеза Ч. В. Превите-Ортона стала рассматриваться в историографии как доказанный факт, который находит вполне логичное объяснение в том, что Людовик, который в 900/901 году добился коронации королем Италии и императором, мог быть интересен Византии в качестве союзника. Однако в 904 году итальянская кампания Людовика провалилась, он был ослеплен в Вероне, а корона Италии вернулась к Беренгару I Фриульскому. Позже сломленный Людовик, получивший в истории прозвище Слепой, примирился с Беренгаром. *Gesta Berengarii* и Константин Багрянородный, рассказывая об ослеплении Людовика, снимают ответственность непосредственно с фриульского графа и возлагают ее на каких-то его слуг или жителей Вероны (DAI, 26). Скорее всего, такой стала официально принята версия после примирения врагов.

Имя второй жены Беренгара I, короля Италии и императора на Западе в 916–924 гг., известное по его дипломам от 915–923 гг., также было Анна – довольно редкое для франкской знати. Закономерно предположить, что она могла быть дочерью Людовика Слепого и Анны. Правда, в таком случае Анна Младшая была правнучкой Беренгарового кузена Людовика II и лет на пятьдесят моложе своего жениха. Впрочем, потомков в браке не было и никаких подробностей о нем мы не знаем. Но гипотеза, предложенная Ч. В. Превите-Ортоном предоставляет Людовику Провансальскому и Беренгару Фриульскому место в «семье василевса», что крайне важно для анализа нашего источника.

В последние годы жизни Людовика Слепого власть в Провансе осуществлял Гуго, сын графа Теобальда Арелатского и упомянутой Берты Тосканской, дочери императора Лотаря II. Первым браком Гуго был женат на сестре Людовика Слепого и своей кузине. С 926 по 947 гг. он был к тому же королем Италии. Контакты между королем Гуго и василевсом Романом Лакапином установились около 927 г., когда король отправил в Константинополь в качестве посланника отца Лиутпранда Кремонского (*Antapodosis*, III, 22–24).

Когда Ландульф, князь Беневента и Капуи, захватил значительную часть фемы Лангвардия и удерживал ее, несмотря на протесты из Константинополя, протоспафарий Епифаний с большими дарами (тщательно перечисленными в разделе II, 44 «*De ceremoniis*») и предложением военного союза отправился к королю Гуго. Совместные действия Византии и Гуго заставили лангобардского князя отступить.

Апогеем союзных отношений стал союз против арабов Фрежюса – Фраксинетума (*Antapodosis*, V, 9, 14). Тогда Гуго выдал свою дочь от наложницы, Берту, за сына Константина Багрянородного, будущего василевса Романа II. Переговоры вел отчим Лиутпранда (*Antapodosis*, V, 14, 20).

Берта прибыла в Константинополь в сопровождении епископа Зигфрида Пармского и протоспафария, стратига лангвардского Пасхалия и была окрещена Евдокией. Лиутпранд намекает на то, что Зигфрид, вместе с представителями Амальфи, Рима и Гаэты, присоединился к сторонникам Константина во время переворота в декабре 944 года, когда своими собственными сыновьями был свергнут Роман Лакапин (*Antapodosis*, V, 14, 21). Берта-Евдокия умерла в 949 г.

Одновременно король Гуго был мужем матери Альберика, принцепса римского, и за него же выдал в 936 году свою единственную законную дочь от первого брака Альду (*Antapodosis*, IV, 3). Это не помогло примирить Гуго и Альберика, однако должно было заинтересовать константинопольское правительство. Ведь Альберик и сам был дипломатическим партнером василевсов и неоднократно упоминается в трактате «О церемониях», хоть и не по имени.

Не выдержав конкуренции с Беренгаром II Иврейским, внуком по матери Беренгара I, к которому переходило все больше и больше его итальянских вассалов, Гуго оставил Италию на своего малолетнего сына Лотаря и отправился в Прованс. Он умер 10 апреля 947 г., оставив свои провансальские владения дочери своего брата Бозона (*Antapodosis*, V, 14, 31). Константин Багрянородный теперь отправлял послов и письма к Беренгару II. Первым послом стал комит дворца Андрей, который, помимо прочего, привез Беренгару рекомендательное письмо относительно Лотаря (брата невестки василевса), в котором василевс просил Беренгара быть верным слугой тому, кто милостью Божией является правителем (*Antapodosis*, VI, 2). Ф. Дёльгер датирует письмо зимой 947/948 или 948/949 гг. Лотарь, тем не менее, умер в 24-летнем возрасте в 950 г.

В ответ Беренгар отправил в Константинополь молодого Лиутпранда, который перед тем был вынужден изучить греческий язык, чем всегда позже гордился. Лиутпранд отправился в путь 1 августа 948 или 949 г., за три дня достиг Венеции, где встретился с китонитом, евнухом Соломоном, который только возвращался из византийского посольства в Кордову и Саксонию. Вместе с ним был посол саксонского короля Оттона, один из самых богатых майнцских купцов Лиутфрид (*Antapodosis*, VI, 4). Прием у василевса дал возможность Лиутпранду описать с искренним восхищением красоты дворца правителя греков и, одновременно, поставил в весьма трудное положение, поскольку, в отличие от кордовского халифа и германского короля, Беренгар не прислал со своим послом богатых подарков василевсу (*Antapodosis*, VI, 6).

Плотность дипломатических, династических и военно-союзных связей Византии и Итальянского королевства не дает возможности предполо-

жить, чтобы итальянский король мог быть проигнорированным в «списке адресатов» писем василевса.

Важно подчеркнуть, что и Людовик Провансальский, и Беренгар Фриульский сочетали титулы короля Италии и императора, поэтому с точки зрения василевса ромеев могли пользоваться дипломатическим титулом «короля Франгии». В трактате «Об управлении империей» (29) королем Франгии Лодоихом Людовик II, сын Лотаря I, также соединявший титулы короля Италии и императора Римского (855–875 гг.). Он вел переписку с василевсом Василием I, широко цитированную в Салернской хронике.

В то же время, когда составлялся список 48-й главы II книги трактата «О церемониях», ни один король Запада не был носителем титула императора. После убийства Беренгара Фриульского в 924 г. новый император, Оттон Саксонский, был провозглашен только в 962 г., слишком поздно для того, чтобы найти отражение в перечне адресатов.

В отсутствие иных претендентов на императорскую корону этот титул мог применяться относительно короля Гуго, который до своей смерти был самым важным дипломатическим партнером Византии из всех франкских правителей и боролся за титул императора на Западе.

Титул «короля Галлии» также достоин внимания. Хотя с VI в. Галлия практически не упоминается в византийских текстах, однако этот античный политоним известен Лиутпранду Кремонскому, автору того же времени, что «список адресатов» и знакомого с той же географической номенклатурой. Однажды Лиутпранд называет королем Галлии короля Западных франков (Antapodosis. I, 11). Второе упоминание этого титула сложнее. В 933 году, когда Гуго узнал, что итальянская знать призывает на королевство Рудольфа, короля Верхней Бургундии, то заключил с ним договор, которым передал под его власть «все земли, какими владел в Галлии до того, как стал королем» (Antapodosis. III, 48). В историографии встречаются различные толкования этого места: объединение Рудольфом Нижней и Верхней Бургундии под своей властью, либо передача Рудольфу владений Гуго за пределами Прованса, то есть графств Вьеннуа и Лионне. Присутствие в этих графствах Рудольфа следующие два года действительно подтверждается актовым материалом. В любом случае под Галлией возможно понимать не только Западно-Франкское королевство, с которым Византия не имела актуальных контактов, но также Прованс и Бургундию. В этом случае как Людовик Слепой, так и король Гуго подходят на роль короля Галлии отдельно от своего статуса «короля Франгии».

Таким образом, королевство Италия, тесно исторически связанное с Нижней Бургундией (королевством Прованс), как важный объект внеш-

ней политики Византии очевидно нашло отражение в трактате «De ceremoniis Aulae». В первую очередь именно к его правителям, как к потенциальным наследникам империя Карла Великого, относится титул «король Франгии». Относительно титула «король Галлии», то его носителями скорее всего, были правители Прованса.

Король Италии с 926 по 947 гг. Гуго Арльской или Прованский выдал свою дочь от наложницы (при отсутствии законных дочерей) за сына Константина Порфирогенета. Роман Лакапин заключил с Гуго союз против арабов Фрежюс – Фраксинетума. Он просто не мог быть проигнорирован в списке адресатов писем василевса. В этой связи стоит отметить, что когда византийские авторы говорили о Франгии, то в некоторых случаях они имели в виду Италию, ставшую частью Королевства франков с 774 г. В трактате «Об управлении империей» (29) королем Франгии Лодоихом назван король Италии и император Римский Людовик II (855–875 гг.). Е. Маламут считает это достаточным доказательством для того, чтобы видеть в рексе Франгии короля Италии, поданного отдельно от других западных королей, ведь он был важнее, чем другие для составителей трактата. Конечно, Людовик II Итальянский был еще и императором, поэтому, согласно реконструкции В. Онзорге, именно это давало бы ему право именоваться королем франков. Однако в то время, когда составлялся список 48-й главы II книги трактата «О церемониях», ни один король Запада не был носителем титула императора. После убийства Беренгара Фриульского в 924 г. новый император, Оттон Саксонский, был провозглашен только в 962 г., слишком поздно для того, чтобы найти отражение в списке адресатов. Поэтому безусловно, один из названных рексов должен был быть правителем Италии Гуго Провансальским, будь это рекс Галлии или рекс Франгии. Другой из двух, в этом случае, вероятно, король западных франков.

Деспотия

Василевс видел себя во главе обширной группы правителей, включавшей к середине X в. около трех десятков князей преимущественно небольших владений, сконцентрированных в трех территориальных массивах: Кавказ, Балканский полуостров и Италия. Василевсы, обращаясь ко всем этим архонтам с одинаковыми «велениями» (κελεύσεις), оснащенными золотыми печатями стоимостью два солида (в тех случаях, когда стоимость указана), именовали себя исключительно «христолюбивыми деспотами», таким образом, заявляя о своем безусловном верховенстве.

Кавказский сектор

Наиболее многочисленная группа подчиненных «велению» василевса правителей расположена на Кавказе: архонты Коковита, Тарона, Моекса, Авзана, Синиса, Вайтзора, Хатзениса, три архонта Сервотиев, именуемые «Черными детьми»; куропалат Иверии и его четверо подвластных архонта Вериасаха, Карнатая, Куел и Атзара; экзусиаст Авагии; архонты Алвании, Криватадов (Криватан), Кидонии, Цанарии, Сарван, Азии, в которой находятся Каспийские врата, Хрисы, Врезан и Мохана; католикосы Армении, Иверии и Алвании.

В первую очередь видим здесь князей, первоначально зависимых от армянских Багратидов. Но поскольку Багратиды были, в свою очередь, зависимы от Империи, то их вассалы становились и вассалами Империи. В перечень архонтов Кавказского сектора ромейской деспотии, находящихся в Армении, автор трактата отнес архонтов Коговита, Тарона, Мокка, Андзавацика, Сюника, Вайоц Дзор и Хачена. Также указаны «три архонта Севордика», но без уточнения их принадлежности к Армении. О прямых контактах василевсов с большинством этих ишханов из источников ничего не известно. Но внимание Византийского двора к местным ишханам может быть объяснено походами доместика схол Востока Иоанна Куркуаса на Двин и на Феодосиополь в 927–931 гг.

Из перечисленных княжеств лучше всего известна история Тарона. С 830 г. Тарон – владение Багарата Багратуни, затем его сына Ашота (858–878), носителя византийского титула куропалата. В 898 г. Тарон занимает Григорий (Крикорикий). Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (43) рассказывает, что Григорий получил в Константинополе звание магистра и должность стратига Тарона. Как стратиг он получал ежегодно 10 литров золотом и 10 литров медными милиарисиями. Однако Роман Лакапин упразднил его жалованье, поскольку в обмен на эти выплаты от таронского князя должны были поступать дары, но тот не мог их обеспечить. Двое сыновей Григория, Патрик Баграт и протоспафарий Ашот, также были стратигами и ездили в Константинополь.

Уже в правление Григория определенные ветви династии обособились. Согласно текстам Константина Порфирогенета брат Григория Апоганем имел прямые связи с василевсом, сан протоспафария, «собственную хору», то есть определенную вотчину, которую Торник, сын Апоганема, решил передать империи посредством завещания.

Таким образом, Тарониты носили титул патрикия и занимали должность стратигов Тарона, некоторые из них получали в Тароне земельные пожалования от василевса. Однако Тарон не был простой фемой Византии. Тарониты занимали свою должность пожизненно и передавали ее по наследству.

Тарон не платил налогов. Хотя стратиг получал жалование от василевса, после лишения Григория Таронита этого жалования речь о прямом подданстве уже не может идти. Однако Тарон всегда находился в сфере влияния Византии, в нем распространялось православие халкидонского толка.

После смерти Ашота, сына Григория, к Никифору Фоке прибыли Григорий и Панкратий (Багарат) Тарониты и передали ему страну, получив сан патрикиев. Согласно Иоанну Скилице, это произошло 12 индикта, то есть в 968–969 году.

Напротив, один из вассалов Армении, кайситский эмир Абу-Савад, правитель Манцикерта, не включен в список адресатов, хотя хорошо известен Константину Багрянородному (DAI, 44). Когда в 928 г. Иоанн Куркуас взял осадой Хлат и Балеш (Битлис), а в 931 г. – Беркри и повторно Хлат, Абу-Савад с братьями, затем его сын Абдаррахим, поддались Византии и стали платить ей дань, «пакты», за свои земли и города. С тех пор василевс трактовал Кайситов как своих подданных, «рабов», а не отдельных архонтов. Это, видимо, и объясняет их отсутствие в перечне, хотя в целом власть Кайситов кажется более независимой от василевса, чем власть Таронитов. Это дает возможность датировать предложенную в трактате структуру кавказской деспотии временем после 928 года.

Аналогичный владениям армянских ишханов статус в «списке адресатов» имели Багратиды, правители Ивирии. Их владения с точки зрения трактата включали Карнатаес (Таос-Кларни в северном Тайке), Верисас (Северная сторона в Кларджети), Квели или Квелисцихе (Джавахети) и Ачара или Аджарию. Реальность была еще сложнее. Династия ивирских Багратидов, потомков Адарнасэ, внука ишхана Армении Ашота Багратуни Слепого, очень ветвиста, к тому же представители различных ветвей частенько заключали династические браки. Сын упомянутого Адарнасэ, Ашот получил титул куропалата от императора Михаила Рангаве и этот титул стал наследственным в роду Багратуни. Именно с ним упоминается правитель Ивирии в трактате «О церемониях». Адарнасэ II, правнук Ашота I, первым провозгласил себя царем Тао-Кларджети, титулом непризнанным в Византии, а также, согласно письму Николая Мистика, носил титул куропалата. Армянский католикос и историк Иованнес Драсханакертци рассказывает, что Николай Мистик направил послание к Адарнасэ, которым уговорил его перейти на сторону коалиции, которая должна была поддержать армянского царя Ашота II, сына Смбата. Адарнасэ принял сторону Ашота в борьбе с мусульманами и короновал его.

Адарнасэ Куропалат умер в 923 г. Двое его сыновей последовательно носили титул куропалата Ивирии: Ашот до 954 г. и Смбат до 958 г. Их власть разделяли магистры Давид (старший сын Адарнасэ, царь и эри-

став Квели-Джавахеги) и Баграт (ум. в 945 г.). Они поддерживали дружеские отношения с соседними арабскими эмиратами Фасианы – Феодосоподем, Авником и Манцикертом, одновременно претендуя на них перед лицом Византии. Константин Багрянородный (DAI, 45) пересказывает содержание хрисовулов Романа Лакапина, адресованных ивирускому куропалату с гарантиями его власти и побуждением к уничтожению силами ивирусов соседних эмиратов. Но эмир области Авник признал себя «рабом» империи и выдал заложником собственного сына, что вызвало новый виток переговоров с Ашотом. Константин издал собственный хрисовул, которым закрепил все земли Фасианы до р. Аракс за Империей. Его трактат (DAI, 46) также иллюстрирует амбиции имперской власти в регионе по захвату власти в Ардануджи, столице Кларджети, за власть в которой боролись представители двух других ветвей династии: Ашот Быстрый и его зять магистр Гурген II Великий (ум. в 941 г.). Здесь стоит отметить, что рассказ Константина Багрянородного подтверждает, что магистры Давид и Гурген получали от императора именно *κελεύσεις*, и, тем не менее, успешно отстояли от имперских претензий свои владения.

Весь список адресатов Ивирии восстанавливается следующим образом: Адарнасэ и его второй сын Ашот, куропалаты Ивирии, Гурген II, наследственный эристав эристави Тао (Тайка) в 918–941 гг., братья Гурген (ум. в 923 г.) и патрикий Ашот Быстрый (ум. в 939 г.), сыновья Баграта и наследственные эриставы Кларджети, владельцы Ардануджи; магистр Давид II, эристав Джавахети (ум. в 937 г.), и, наконец, Давид мампал, эристав Аджарии и Нигали, дядя Гургена и Ашота Кларджетийских (ум. в 943 г.). Все они действительно известны как адресаты посланий василевсов Льва VI и Константина VII, а также Романа Лакапина. Тайк был наконец присоединен к империи в 1001 г. согласно завещанию Давида Куропалата (Давида III Великого), внука магистра Баграта, одного из сыновей Адарнасэ.

Севернее Ивирии *κελεύσεις* василевсов принимали Западно-грузинский (Абхазский) царь. Царю абхазов Константину также пришлось поддержать Ашота II Армянского во втором десятилетии X в. Его сменили сыновья Баграт и Георгий, известный как друг Византии и строитель многочисленных церквей. Абхазские правители поддерживали тесные династические связи с владельцами Тао-Кларджети и Армении. Однако, абхазская династия, доминировавшая в Грузии до 970-х годов, была как союзником Византии, так и создавала проблемы, признавая ее превосходство лишь номинально.

Еще восточнее василевсы рассчитывали на послушание правителей Кавказской Албании и ряда владений на перевалах Большого Кавказа. Албания (Арран или Алуанк) показана в списке и как архонтат, и как католи-

косат. Алуанкская династия Михранидов платила дань Византии еще в начале VIII в., одновременно покорившись Халифату. Однако ее последний представитель был убит в 822 году, а его титул ераншахик унаследовал Сахл, князь Шеки. И примерно в то время, как возрождалось царство Армении, внук Сахла, Григорий Хаммам, «воцарившись в Алуанке, возобновил упраздненное царство Алуанка», как о том сообщает Мовсес Каганкатвацци («История страны Алуанк». III, 22). Его сыновьями были великий ишхан Саак Севада (правил от Гардмана до Дзорагета) и Атрнерсех, царь Шеки (Эрети). Оба правителя Алуанка предоставили убежище Иованнесу Драсханакертци в его скитаниях, а Атрнерсех еще и заключил брак с Динар, сестрой магистра Гургена II Тайкского и позволил распространить влияние халкидонской церкви в своих владениях.

Действовал в это время и католикосат Алуанка с резиденцией в г. Партав – Бердаа, то есть за пределами власти указанных архонтов Кавказской Албании, в отдельном и притом мусульманском эмирате. Правда, этот католикосат уже не был самостоятельной церковью. С VIII в. католикосов Алуанка рукополагали католикосы Армении.

В отличие от церковных патриархов халкидонской Пентархии, католикосы Армении, Ивирии и Албании попали также в состав покорных «велениям» василевса архонтов в качестве «учителей» определенных стран. Показательно, что миафизитские церкви Армении и Албании не были проигнорированы канцелярией православного властителя, что вполне подтверждается перепиской константинопольского патриарха Николая Мистика с армянским католикосом Иованнесом Драсханакертци, которому пришлось искать убежища после гибели царя Смбата в том числе в халкидонитском Тароне. Патриарх Николай, по свидетельству самого Иованнеса, предлагал Армении объединить усилия с Грузией и Албанией, «положить конец дикости и кровопролитиям». Патриарх еще ранее отправил соответствующие послания куропалату Ивирии и правителю абхазов, обещая их коалиции поддержку большого войска василевса.

Географические знания автора трактата здесь становятся более туманными, чем в случае с перечнем обладателей Армении.

Здесь легко узнаваема лишь Цанария. Аль-Масуди отмечает, что эта христианская страна лежит между Тифлисским эмиратом и «аланской крепостью» в Дарьяльском ущелье, а царя ее называют *корискус*, то есть *хорепископ*. К X в. хорепископы Цанарии контролировали Кахетию и в своей политике больше зависели от царей Абхазии, входя, таким образом, в сферу влияния Византии.

В архонте Сарвана еще со времен Й. Райске видят ширваншаха, а в Мохане – Муганскую степь, которая сейчас находится на юге республики

Азербайджан. Очевидно, наш автор ошибся, поместив Мохан поблизости от Меотийского (Азовского) моря. Если это так, то василевсы распространяли свою деспотию вплоть до Каспийского побережья. О контактах ширваншахов с Византией нет никаких сведений, зато примерно между 944 и 948 гг. правитель Ширвана Абу Тахир Йазид, победив дейлемитив, заключил с ними договор, направленный против Византии, Грузии и других неверных, как об этом сообщает «История Ширвана и аль-Баба». Впрочем, реальных последствий этот договор не имел. Возможно, более логичным с исторической точки зрения выглядит предположение С. Рансимена, поддержанное Й. Ферлугой, что в список попало царство горных аваров Серир, правитель которого был христианином, враждовал с Ширваном и поддерживал дружеские отношения с аланами. Значение Серира в политике на Кавказе в X в. заставляет предполагать нахождение его в «списке адресатов». Скорее всего, составитель списка спутал две враждующие страны – более известную и более христианскую. Есть также мнение, что Серир скрывается под политонимом Азия.

Загадочными остаются Креватады (Креватан), Кидония, Азия, Хриса и Врезаны. Логика расположения имен в тексте требует искать их рядом с Аланией, Цанарией и Ширваном. Название Азия, возможно, в данном случае этимологически родственно с асами – то есть аланами. Это географическое понятие встречается в Кембриджском документе и указывает на регион, непосредственно прилегающий к Дарьяльскому ущелью с севера. Тогда остальные архонтаты следует искать на территории Дагестана. Кидония – кумыкское царство Джидан (Кайдан, Хайдан) со столицей в Семендере, правитель которого был мусульманином, однако единственным в своей стране, либо соседняя лезгинская Дудания. Под Хрисой должен скрываться Хурсан на землях Лакза в южном Дагестане или крепость Хурс на побережье Каспийского моря. Под Врезанами исследователи видели грузинскую область Эрети (что возвращает нас к Кавказской Албании) и муганский город Барзанд. В Дагестане наиболее созвучным политонимом оказывается Табарсаран, особенно если грекоязычный автор слышал в первом слогое его названия артикль. Креватады – либо г. Кабала вблизи Шеки, либо Дербент.

Балканский сектор

Среди правителей Балканского полуострова семь архонтов получали «повеления» василевсов – это славянские князья Хорватии, Сербии, Захлумии, Канале, Травунии, Дукли и Моравии. Кроме последней, все эти страны достаточно легко локализовать на карте. Византия привычно пыталась контролировать внешнюю политику южнославянских князей, противопо-

ставляя их своему главному балканскому потенциальному противнику – Болгарии.

Первым в списке архонтов, якобы подчинявшихся «повелениям» василевсов, назван правитель Хорватии. Единственным действительно провизантийским правителем Хорватии являлся Здеслав, сын Трпимира. Его права были признаны и поддержаны императором Василием I. Империя тогда признала право Хорватии собирать номинальную дань с далматинских городов, до сих пор принадлежавших Византии (DAI, 30). Здеслав правил несколько месяцев и был убит Бранимиром в 879 г. Тот, в свою очередь, отказался от покровительства Византии. Формирование балканской части «списка адресатов» обычно датируют правлением князя, затем короля Томислава (910–928 гг.), которого Константин Багрянородный ни разу не упоминает, хотя и свидетельствует о роли хорватов в спасении сербского архонта Захарии от болгар и остановке наступления Симеона. Действия Томислава в войне с Симеоном можно рассматривать как союз с Империей, ставший бесполезным после гибели Симеона. Впрочем, самому Константину более известны Крешимир II (935–945 гг.) и его сын Мирослав (945–949 гг.).

В Сербии начиная с 917 г. Константинополь опирался на князей Петра Гойниковича и Захарию Првославича (920–921 гг.), поддерживая и используя их в конфликтах с болгарским царем. Симеон в ответ в двух кампаниях опустошил Сербию и даже напал на Хорватию, где получил отпор от Томислава (DAI, 32). Наконец, у сербов установилось правление князя Чеслава Клонимирича, которого освободила от заключения в Преславе смерть Симеона Болгарского. Чеслав сразу восстановил лояльность к империи, которую хранил до своей гибели в борьбе с мадьярами в 960 г. При византийской поддержке он смог восстановить население разоренных земель сербов, вернув беженцев из Болгарии и Хорватии. Чеслав, согласно Константину Багрянородному, обещал за это «признавать себя рабом василевса и исполнять его приказания».

Между Сербией и Адриатическим побережьем Византия (а заодно и Болгария, и Хорватия) поддерживала существование нескольких мелких княжеств. Когда Сербия ослабла в борьбе с Болгарией, тут возросла роль захлумского князя Михаила Вышевича, носившего ромейские титулы анфипата и патрикия (DAI, 33). Михаил сначала держался стороны Симеона. А после его смерти или даже в результате союза Византии с Хорватией и сам наладил отношения с Византией, одновременно сохранив контакты с Римом. Михаил продолжал править в Захлумье до 940-х гг., и, скорее всего, именно его правление отражено в позиции этого княжества в «списке адресатов».

Далее между византийской Рагузой и заливом Бока Которская располагались земли двух княжеств – Травуния и Конавле («страна каналитив»), с которыми на юге граничила «земля Диоклетиана» – Дуклянское княжество. Константин говорит, что «страна тервуниотив и каналитов – едина», но в том же разделе указывает и на существование отдельного княжества Канали, лишь подчиненного Травунии, в то время как самовластные архонты Травунии всегда были послушны правителям Сербии (DAI, 34). Однако с дипломатической точки зрения, как и в случае с княжествами Армении, это не имело значения. Князья Сербии, Травунии и Конавле были для византийской канцелярии одинаково зависимы от деспотии.

Наибольшую проблему представляет упоминание в списке Моравии. Если речь идет о Великоморавском княжестве, то его упоминание отражает ситуацию до прибытия мадьяр в Карпатский регион в 895 г., а точнее – о времени правления князя Ростислава, прямо обращавшегося к Византии, получившему от нее христианскую миссию в лице братьев Константина и Мефодия из Фессалоники. Идеологически в тот период василевс Василий I действительно мог считать Моравию входящей в сферу влияния своей власти. А присутствие в списке правителей Индии и Счастливой Аравии допускает, что некоторые пункты списка включены исключительно из антикварного интереса.

Однако для полной уверенности необходимо предположить, что под Моравией здесь может быть скрыто какое-то из балканских княжеств, существовавших в середине X в. Йадран Ферлуга предполагал, что архонт Моравии занял место отсутствующего в списке князя Неретвы – Пагании. Божидар Ферьянчич же склонялся к мысли, что речь идет об области реки Морава, притока Дуная. Обоснованием этой мысли является то, что в отличие от княжества Ростислава и Святоплука, названного Константином Багрянородным «Великой Моравией» (DAI, 40), в списке адресатов указана просто Моравия. Р. Досталова доказала, что в традиционной для византийской географии оппозиции, восходящей к античности, эпитет «Великий» означает «независимый от метрополии», «внешний», в то время как эпитет «Малый» описывает либо страну, подчиненную метрополии, либо, по крайней мере, более к ней близкую территориально. Тут понятие размера в определенном смысле отражает представление об описуемости страны. Примерами таких оппозиций являются Великая Армения и Малая Армения; Великая Азия и Малая Азия; Великая Скифия и Малая Скифия; Великая Хорватия (белые хорваты на Карпатах) и Хорватия (крещеная, в Далмации). «Великая Моравия» находилась далеко за пределами влияния Империи. Но раз есть Великая Моравия – должна быть и Малая, либо в пределах Византии, либо очень близко к ней, например, как в нашем

списке, в одном ряду с адриатическими княжествами. С 879/880 г. известен митрополичий престол Моравы в древнем городе Margum (совр. Дубравица в Сербии), который подчинялся сначала Константинопольскому, а затем Болгарскому патриарху. Никифор Фока смог покорить земли балканской Моравии Византии, хоть и не на долгое время, и создать здесь фему Моравы. Но мы очень мало знаем о том, где именно проходила граница между сербскими и болгарскими владениями в середине X в., и не было ли здесь некоего местного князя, вызывавшего интерес у византийской дипломатии.

Итальянский сектор деспотии

Абсолютно равноценным было отношение василевсов к ряду правителей бывших итальянских владений Империи, к тому же еще совсем недавно бывших ее подданными. В этой группе правителей: архонт Сардинии, дука Венеции, принцепс Капуи, принцепс Салерно, дука Неаполя, архонт Амальфи и архонт Гаэты. Каждая из этих стран имела в то время свою личную историю отношений с Византией.

Меньше всего информации об истории Сардинии. Ее обходят как византийские, так и арабские и западноевропейские источники. Впрочем, есть отдельные свидетельства того, что хотя бы номинально определенные властные институты на острове признавали зависимость от Империи. Известна печать VIII–IX вв. с греческой надписью Феодота «ипатия и дуки Сардинии». Арабский географ IX века Ибн-Хордадбех (§56а), перечисляя регионы империи, упоминает «батрика Сардинии», «владельца всех островов в море». Остров подчинялся наместнику в сане патрикия, аналогичном уровню наместника Сицилии, стратига Лангвардии или дуки Неаполя. Письмо же Папы Римского Льва IV от 851 г. адресовано «iudici Sardiniae», то есть судье. Позже Сардиния окажется разделенной на четыре юдиката, судебных округа. Несколько веков подряд именно судьи будут главными правителями на острове. Наконец, несколько грекоязычных эпиграфических памятников знают должность «архонта Сардинии». Хотя реальная зависимость Сардинии от Византии прервалась еще к концу VIII в., но и до середины XI в. связи были довольно заметными. Византия старалась поддерживать видимость своего присутствия даже к западу от Италии.

Особенно значимыми для истории Византии стали отношения с Венецией. Вплоть до середины IX в. Венеция, уже платившая дань королю франков, тем не менее сохраняла видимость части восточной Империи. Ее дука (дож) уже тогда избирался, однако, очевидно, на выборы влияло Константинопольское правительство. Представители семьи Партичипацио, которые многократно занимали должность дуки, носили титул *Imperialis hypatus et humilis dux provinciae Venetiarum* и византийский ранг

спафария. Они отправляли своих сыновей на воспитание в Константинополь, женили их на представительницах греческих знатных семей, снаряжали большие венецианские флотилии на помощь василевсам, пока те пытались принимать реальные меры для обороны Сицилии от арабских нападений. Однако с провалом этой политики правительство Венеции начинает делать полностью самостоятельные шаги. Дож Пьетро Традониго заключил перемирие с арабами и Павийский договор с Лотарем, *Ratum Lotharii*, 840 г. В нем франки гарантировали Венеции ее торговлю и уважение ее границ, то есть тех самых границ, которые были признаны греческими Карлом Великим в 812 г. Изменился и титул дуки: теперь он не «смирренный», но «славный», «милостью Божьей» правитель дуката Венеция. Франки закрепили свои отношения с новым союзником договорами Людовика II в 856 и Карла III в 882 г.

Константинополь же спохватился только в 877/8 г. Тогда Василий I повысил сан дуки Орсо Партечипацио до протоспафария. Венеция никогда не поднимала восстаний против Византии, не делала официальных деклараций о независимости. Ее дипломатические успехи в Константинополе старались не замечать, чтобы не превратить во врага город, замыкавший Адриатику, где размещалась только что созданная беззащитная фема Далмация. Орсо II (912–932) вновь отправил своего сына Пьетро в Константинополь. То же самое сделал Пьетро II Кандиано (932–939). Сыновья дук, как и сами дуки, получали сан протоспафария, возможно, вместе с соответствующими ежегодными денежными выплатами, ругой. Так были заложены основы под преимущественно мирные и договорные отношения Венеции и Константинопольской империи, которые продлились с перерывом до Четвертого крестового похода, или даже дольше, учитывая, что с точки зрения венецианцев «латинские» императоры были наследниками правового статуса василевсов и их партнерства с Венецией. И важно добавить, что с 827 г., вопреки информации «списка адресатов», не известно ни одного κέλευσις, адресованного дукам Венеции.

Далее в списке названы принцепсы двух лангобардских княжеств – Капуи и Салерно. Хотя эти княжества преимущественно пытались вести себя независимо, однако в условиях противостояния с арабами им приходилось обращаться за помощью к василевсам и уступать часть своего суверенитета. Еще в 873 г. Адельгиз Беневентский обратился к императору Василию I и обещал подчиниться империи. Василий отправил к нему в Отранто патрикия Григория с войском. После смерти короля Италии и императора Людовика II в 875 г. Василий I укрепил свои позиции на юге Италии, ромеи заняли Бари. А в 891 году стратиг Самватикий, который руководил сразу Фракией, Македонией, Кефалонией и Лангувардией, занял Беневент

и превратил его в свою резиденцию. Впрочем, вскоре из города греков изгнал сполетский граф Гвидо, а в 900 г. княжество захватил Атенульф Капуанский, надолго объединив два престола, из-за чего отдельный правитель Беневента отсутствует в нашем списке. В 909 г. Атенульф отправил своего сына Ландульфа в Константинополь. После же смерти Атенульфа Ландульф унаследовал княжество, имея ранг имперского патрикия.

Аналогичной была ситуация в другом лангобардском принципате – Салерно, которым правили патрикии Гвемар I (886–901) и его сын Гвемар II (893–946), тесно династически связанные с капуанскими князьями. Оба князя активно включились в формирование коалиции против арабов. В той коалиции собрались как минимум четыре архонта, упомянутых в «списке адресатов», и, кроме того, Папа Римский.

Арабы, провоцировавшие итальянских правителей к сближению с империей, – это в первую очередь пираты, совершавшие нападения по всему побережью с базы в Гарильяно. Для ее уничтожения папа Иоанн X заключил союз с Ландульфом Капуанским. К союзу присоединились Зоя, императрица Византии, Альберик, граф Сполето и Камерино, Беренгар, граф Фриульский и западный Римский император с конца 915 г. Патрикий Николай Пицингли привлек к союзу также правителей Салерно, Неаполя и Гаэты, *patriciatus illis honorem ab augusto deferens*.

Дукат Неаполя состоял из большого города и мелких городков, таких, как Поццуоли, Кумы, Сорренто, окруженных плодородными полями, владениями неаполитанской аристократии. С середины IX в. дукат, находившийся под управлением потомков последнего избранного дуки Сергия I, разорвал отношения с Константинополем. Важную роль играла фигура епископа, которая придавала Неаполю характер церковного государства, наподобие Рима. Афанасий II, внук основателя династии, епископ и дука одновременно, ситуативный союзник сарацинов, снова пошел на сближение с Византией, хотя и не слишком интенсивно. Преемником Афанасия II в 898 г. стал дука Григорий, его брат или кузен. Тот умер в 915 г., после битвы при Гарильяно. Власть дуки, в дальнейшем отделенная от власти епископа, передавалась последовательно от отца к сыну, начиная с Иоанна II, сына Григория (915–919). Далее – Марин I (919–928) и Иоанн III (928–963). Имитируя византийскую систему соправления, ломбардские и неаполитанские правители делали своих сыновей своими соправителями. Во всех государствах «деспотии» Южной Италии главным эффектом византийского протектората было укрепление принципа легитимности наследственной монархии.

Хотя дука Григорий после битвы при Гарильяно получил титул патрикия, не похоже, чтобы кто-то из его наследников сохранял этот ранг. Схолия к «*De ceremoniis*» добавляет к титулованию, что дука Неаполя также

называется «мастромилис» – понятие, которое еще Й. Райске расшифровывал как искаженное и устаревшее латинское *magister militum* – командующий войсками в древнеримской и ранневизантийской терминологии.

Однако, в течение всего правления Романа Лакапина неаполитанцы придерживались мирных отношений с Византией. Когда дука Иоанн III между 930 и 939 гг. восстановил древний мирный договор с князем Ландульфом (заключен в 907–908 гг. между дукой Григорием и князем Атенульфом), он сделал важную оговорку: «*Salva fidelitate sanctorum imperatorum*». Единственный раз в правление Константина Порфирогенета стратегу Мариану Аргире пришлось покарать неаполитанских повстанцев, но этот факт не имел серьезных последствий. Впрочем, ничто не указывает на то, что отношения Неаполя и Византии отличались некими конкретными обязательствами. Существует лишь одно описание посольства архипресвитера Льва, командированного в Константинополь Иоанном III, которое завершилось привозом в Неаполь «Истории Александра Великого». Культурные связи Неаполя с эллинским миром были гораздо крепче политических.

Похожая ситуация сложилась в Гаэте, которой с 867 г. правила династия потомков ипата Доцибилиса I. Его сын Иоанн II перед битвой при Гарильяно принял византийский ранг патрикия, но также не передал его своим сыновьям Доцибилису II и Иоанну II. После 934 г. они заместили титул ипата на более актуальный для итальянских государств *dux*, а местные нотариусы прекратили датировать документы годами правления константинопольских императоров.

В то же время князья Салерно и Капуи постепенно удалялись от Византии и пользовались каждым проявлением слабости Империи, чтобы разорвать отношения с ней. Однако известны и примеры лояльности. Так, в 920 г. стратег Калабрии патрикий Иоанн Музалон спровоцировал восстание населения Калабрии. Калабрия поддалась Беневентскому князю Ландульфу. Однако последний уговорил калабрийцев вернуться в подданство Византии. За 20-е годы Ландульф и Гвемар трижды атаковали итальянские владения Византии. Однако в 930-е Гвемар вернулся в союз с Империей, а в Беневенто и Капуе акты датировали годами правления василевсов вплоть до 955 г., когда их в последний раз принуждал к миру и признанию имперском сюзеренитета стратег Мариан Аргир. Итак, лояльность лангобардских принцев была ничем иным, как «тщеславной формулой, пустой видимостью» и завершалась, как только византийские войска уходили из Италии.

Отдельного упоминания заслуживает итальянский город, не принявший участия в битве при Гарильяно, однако попавший в список – Амальфи. Амальфитане организовали у себя республику и доверяли управление

городом ежегодно избираемому магистрату, иногда двум. Они именовались сначала комитами, позже – префектами. Иногда это были родственники правителей Неаполя. Так, в 860-х гг. префектом Амальфи был Сергей, сын дуки Григория и внук дуки Сергия I. Префект Марин завязал контакты с Папой Иоанном VIII и императором Людовиком II в 872–873 гг., а его сын Пульхарий был префектом в 877 г. К началу действий византийского флота на юге Италии амальфитане наладили торговую систему от Тарента до Рима, имели хорошие отношения с мусульманскими пиратами на Сицилии. Среди комитов дважды встречается титул *Vicarius Antiochenus*, говорящий о наличии торговой конторы в Антиохии. После 882 г. Рим больше не вмешивался в дела Амальфи, однако не заметно и того, чтобы амальфитане покорились Византии. Лишь в 907 г. префект Манзон I впервые появляется в документе с византийским титулом спафарокандидат. А Николай Мистик в своем письме обращается к правителю Амальфи как к «возлюбленному, достославному, духовному сыну, славнейшему архонту Амальфи», прося его посредничества в выкупе у агарян ромейских пленных.

Неизвестно, оставался ли Мастал, сын Манзона, в дружеских отношениях с Византией, однако он не принял активного участия в антисарацинской лиге и битве при Гариляно. В хартии 920 г. Мастал и его сын Лев названы *gloriosissimi iudices*. Вскоре, с 921–922 гг., Мастал – уже патрикий империи, а Лев – протоспафарий. Так, амальфитане последними из жителей итальянского побережья признали верховенство Византии. Титул патрикия Мастал сохранил до 936 г. и оставался правителем очень долго. Местным актам известен 52-й год его правления. Его внук Мастал II не смог удержать власть так же долго и принял новый титул – *gloriosus dux*. А около 957–958 гг. Сергей I основал новую династию.

Другие правители

Среди всех остальных правителей, не подчинявшихся деспотии ромейских василевсов и не входивших в их «духовную семью», можно выделить лишь небольшую группу «возлюбленных друзей». Их всего лишь двое.

Если упоминание «верхovenствующего господствующего в Индии» можно еще отнести к антикварной информации, происходящей из времен Юстиниана, то информация о правителе Египта должна быть вполне актуальной и для X в. При этом, кажется, что именно упоминание о нем дает самый узкий промежуток времени для появления соответствующей формулы, поскольку самым надежным «другом» ромейского императора среди правителей Египта был ферганский князь (ихшид) Мухаммед ибн Тугдж, во время правления халифа аль-Муктадира назначенный эмиром Дамаска

и Рамлы, а в 933 г. – эмиром Египта, в котором стал фактически независимым правителем. Именно этот эмир уже в первые годы своего правления заинтересовал византийскую дипломатию, постоянно враждуя с сирийскими Хамданидами. При нем в 937/8 г. патриарх Феофилакт Константинопольский добился от Антиохийской и Александрийской церковью восстановления поминания имени константинопольского патриарха в церковной службе, что также добавляет контекст к упоминаниям соответствующих иерархов в нашем списке. Сохранился текст письма, составленного Феодором Дафнопатом от имени Романа Лакапина, и адресованного Мухаммеду ибн Тугджу Ихшиду: «Итак, если бы ты возымел намерение сделаться другом нашего величества, сообщи нам через верного тебе и подходящего человека о том, какую и ты имеешь искреннюю любовь к нам, чтобы мы из этого могли точнее убедиться в вашем намерении. И если ты хочешь всецело быть и называться нашим другом, если тебе угодно жить в наших пределах, то мы почтим тебя званием архонта архонтов и прикажем Какикию, магистру Апасикию и другим правителям на востоке, живущим в тех пределах, подчиняться твоим словам и советам. Если же ты предпочтешь прибыть к нашему величеству и свидеться в богохранимом городе, мы окажем тебе блестящий и почетный прием, почтим тебя званием патрикия, анфипата и стратига, в какой феме ты ни пожелаешь...».

Стать вассалом Византии Ихшид, конечно, не мог, но от дружбы не отказался, поэтому в мае 946 г. тарсийский эмир от его имени отправил в Константинополь Абу-Умейра Ади ибн Ахмеда ибн Абд-ал-Баки аль-Тамими. Его прием в столице описан Константином Багрянородным в том же трактате «О церемониях» (II, 15). Упоминает о нем и аль-Масуди как о последнем в его время факте переговоров об обмене пленными. Установление дружеских связей с египетским правителем было бы настоящим триумфом византийской дипломатии, однако в июле 946 г. во время переговоров с византийским посланником Иоанном Мистиком Мухаммед ибн Тугдж умер в Дамаске. Обмен пленными провел сирийский эмир Наср ас-Сульми, после смерти Ихшида сразу признавший власть хамданида Сайф ад-Даулы, злейшего противника Византии в регионе. Однако и позже именно Египет оставался мусульманской страной, в которой чаще всего появлялись послы василевсов.

Мухаммед ибн Тугдж остался единственным среди эмиров Аббасидского халифата, удостоенным особого дипломатического обращения. Выдающейся является стоимость золотой печати – 16 эксагиев. К тому же, эмир Египта получал обращения от «благочестивых автократоров, великих высоких августов, василевсов ромеев» – велеречивое титулование адресанта, даже по сравнению с обращением к халифам.

Все остальные контакты шли через халифской дворец в Багдаде, хотя сам халиф ар-Ради Биллах (907–940) уже не был самостоятельным правителем государства. Обращение к арабскому правителю отличается исключительной пышностью. Он назван «протосимвулоном и диатактором агарян». Греческий термин *πρωτοσύμβουλος* был известен и среди греков Халифата и среди византийских авторов, и означал обычно самого халифа, будучи, как верно отметил составитель «списка адресатов», примерным переводом официального арабского титула халифа Амир аль-муминин, эмир (т.е. командующий или советник) верных.

В течение царствования Константина Багрянородного да и задолго до того Византия пребывала в состоянии войны с арабами, однако непосредственные боевые действия велись против эмиров Мелитены, Тарса или Халеба, в то время как правительство халифа выступало лишь в качестве дипломатического партнера при переговорах об обмене пленными. Последние такие переговоры проходили в 942/3 гг. Далее буидская «опека» над багдадским престолом привела к нецелесообразности дипломатических контактов с халифами вообще. Местным эмирам дипломатические письма обычно не направлялись. Даже непосредственное обращение мелитенского эмира Абу-Хафса к императору в 931 г. и краткосрочный союз не нашли отражения в трактате. Зато в предыдущем разделе речь идет о возможности устных переговоров с представителями эмира Тарса или других «амирадий» – эмиратов. Также учтена возможность прибытия посланцев из Хорасана или Персии, которые «либо находятся в подчинении амирмумна, либо нет» (*De ceremoniis*, II, 47). Поэтому понятно, почему халиф занимал такое важное место в трактате.

Отдельно от халифа и египетского эмира упомянут «эмир Африки». Эта обособленность указывает на то, что под правителем Африки надо понимать независимую от Багдада Фатимидскую династию, а не ее предшественников Аглабидов, хотя и с ними Византии приходилось иногда вести переговоры. Так, в 907 г. посол византийского императора убедил Зиядат-Аллаха Ифрикийского не помогать восточным арабам во время похода Имерия.

Фатимиды взяли власть в арабской Ифрикии с 909 г. В отличие от Аглабидов, они направили свою агрессию не столько против неверных, сколько против багдадских халифов, ведь Фатимиды были шиитами и считали только себя законными наследниками власти семьи Пророка. Поэтому для Византии Фатимиды становились естественным союзником в борьбе с другими мусульманами (в частности, на Сицилии) и не только. Лиутпранд (*Antapodosis*, II, 45) сообщает, что когда в Южной Италии началось очередное восстание, то византийское правительство обратилось к фа-

тимидскому халифу Убейдаллаху аль-Махди (910–934), с предложением денег и просьбой о помощи. Тот согласился, направил корабли и покорил Византии Апулию и Калабрию. Иоанн Фракесийский рассказывает об обращении Евстафия Калабрийского к сицилийским арабам с обещанием ежегодной уплаты 22 тысяч номисм. А. А. Васильев считал, что речь об одних и тех же событиях, и датировал их 914 годом. Впрочем, в 918 г. Фатимиды захватили Регий.

В 923 г. Аль-Махди уменьшил дань с 22 до 11 тыс. номисм. Она выплачивалась и во времена Никифора Фоки, а значит, у внешнеполитического ведомства были основания держать форму обращения к правителю Африки на подхвате. Кстати, ромейская канцелярия применяла по отношению к эмиру Африки достаточно близкий к реальному титул. Упомянутому в трактате титулу «Властитель мусулимитив» соответствует арабский «Амир аль Мослимин» («Правитель мусульман»). Этот титул позже был узурпирован Альморавидами. Фатимиды же называли себя схожим халифским титулом Амир аль муминин – «Правитель правоверных». Этот последний титул был хорошо знаком составителю трактата, но в качестве титула халифа Аббасидов (II, 47).

Между Кавказским сектором ромейской деспотии и миром ислама притаилось небольшое государство Васпуракан – владение рода Арцруни. Его правитель Гагик Арцруни (904–943 гг.) назван архонтом архонтов Армении, что соответствует бывшему титулу армянских царей Багратуни. Однако, в тексте мы видим, что к ним теперь так не обращаются. Это дает еще один ключ к датировке информации. Исследователи согласны в том, что титул «архонта архонтов» мог перейти к Гагику I только после смерти армянского царя Смбата Ашота II Железного Багратуни в 929 году. Его преемника Аббаса II Константин Багрянородный называет просто магистром. В XI в. титул предводителя всех армянских государств уже не возвращался к царям Ани. К. Н. Юзбашян обращает внимание на послание Гагика Арцруни к Роману Лакапину, в котором тот называет себя рабом императора и патриарха. Гагик признавал политическое превосходство Империи, но не уступал в вопросах конфессии, в непризнании решений Халкидонского собора. Константин также упоминает Какикия (Гагика) Аспураканского вместе с куропалатом Адарнасэ и Ашотом Багратуни среди тех, кто выступил против выплаты Романом I руги правителю Тарона (между 920 и 923 гг.). Все трое, включая Гагика, считали, что они заслужили подобную выплату (DAI, 43). Однако, как видим, правитель Васпуракана не получал «велений» василевса, но действительно претендовал на ведущий статус в регионе. Он подчинил себе Коковит, Мокк и Андзивацк, в 924 г. в его владения из Двину переместился католикос Иованнес Драсха-

накертци, в 931 г. именно Гагик предложил Иоанну Куркуасу совместную операцию против эмирата Кайситов.

К северу от Византии, за пределами деспотии ромеев, размещались владения хагана Хазарии, правителей Руси, кочевых угров и печенегов. Правителей всех этих стран и народов канцелярия назвала безликим титулом «архонты». Хаган выступает наиболее уважаемым в этой группе. Канцелярии известен его хазарский титул, он получает золотую печать в три солида, его титулование дополняется двумя предикатами чести и т. п. Дружба ромейских василевсов с Хазарией началась с VII в. Однако на данный момент она была не настолько сильной, чтобы хаган был зачислен в «друзья» василевса. Более того, сам Константин в трактате «Об управлении империей», а также «Кембриджский документ» прямо указывают на некий серьезный конфликт, который имели место между Византией и Хазарией в первой половине X в. В нем империя опиралась на аланов и печенегов.

Резкий контраст к статусу хагана составляют формулы обращения к князьям Руси, правителям мадьяр и печенегов. Хотя роль этих народов была очень хорошо описана самим Константином в трактате «Об управлении империей», но 48 раздел книги II трактата «О церемониях» не оставляет им почестей вообще. Обращения здесь отличаются от адресатов «велений» в пределах деспотии исключительно тем, что документы, получаемые этими архонтами, охарактеризованы как *уράγματα*. Повелевать этим народами василевс себе позволить не мог, да и не стремился, ведь они были язычниками. Исторический контекст переписки с «архонтом России» лучше всего иллюстрируется русско-византийскими договорами, тексты которых сохранились в «Повести временных лет» под 911 и 945 годами. Связи Руси и Византии в этот период имеют богатейшую историографию, которая позволяет не фокусировать на них внимание, отметив лишь скромный характер обращения. Константин первым из известных авторов добавил к этнополитониму *Ῥῶς* суффикс *-ια*, создав географическое понятие-неологизм *Ῥωσία* по той же схеме, что и Хазария, Пачинакия или Вулгария. Однако прошло еще много столетий, прежде чем греческая форма названия Руси прижилась в Московском царстве.

Кочевые народы Юго-Восточной Европы, в соответствии с их адресатами, управляются многими архонтами, независимыми друг от друга и от Византии. В случае печенегов это очень хорошо перекликается с данными трактата «Об управлении» (37) о восьми архонтах пачинакистов. А вот венгры должны бы подчиняться одному архонту из рода Арпада. Вероятно, составитель трактата «О церемониях» (в отличие от составителя трактата «Об управлении») называл архонтами не Арпада и его потомков, а воевод семи племен мадьяр, которые в самом начале венгерской мигра-

ции собственно и возглавляли весь народ, выбрав Арпада из своего числа. Информация о мадьярах или, как их называют и трактат «Об управлении империей», и трактат «О церемониях», турках, дает возможность установить *terminus ante quem* для «списка адресатов» по признаку независимости и необъединенности турок – 948 г. В этом году Константин окрестил архонта Булчу. В 952 г. также был крещен Гьюла. Эти архонты не были из рода Арпада и, скорее всего, возглавляли мадьяр в долине р. Тиса. Однако они образовывали прецедент для того, чтобы считать мадьяр подданными деспотии василевса, что никак не отражено в трактате. В то же время после первоначальных попыток использования венгерской силы против печенегов и болгар, в 934 г. мадьяры впервые напали на территорию Византии. С 934 до 948 г. василевс мог их считать полностью независимыми и даже враждебными относительно Византии.

Отсутствие того или иного правителя в последнем перечне может быть не менее красноречивым, чем присутствие. Так, многих исследователей удивляет игнорирование составителем трактата омейядских халифов Кордовы. Однако, все становится на свои места, если учесть, что интенсивные связи Константина Багрянородного с этим далеким западным партнером начнутся посольством в Кордову 945/6 и 947 гг., а также обратными посольствами 948 или 949 г. Так что в отсутствии в списке адресатов кордовского халифа можно усматривать еще одно подтверждение *terminus ante quem* для формирования всего списка.

Выводы

Важно подчеркнуть, что 48-я глава II книги трактата «О церемониях Двора» посвящена исключительно внешней переписке. Это определяет ее прагматичность по сравнению с идеологией ойкуменической империи, рассчитанной в первую очередь на подданных. Поэтому «список адресатов» ни в коей мере не доказывает того, что весь мир представлялся василевсу зависимым от него.

Конечно и этот прагматичный документ не лишен иллюзий. С точки зрения составителя «списка» василевс ромеев возглавлял две различных иерархии стран. Одну из них он возглавлял в качестве деспота, который считал возможным обращаться к правителям трех десятков стран, не входивших в состав империи, как их господин, и направлять им «веления». На практике местные архонты чаще всего были союзниками империи, входили в орбиту ее влияния, подпадали под протекторат. Однако в тот или иной момент второй четверти X в. они не могли чувствовать себя полными суверенами на своей земле и положение союзников, обеспечивавшее

им определенную защиту со стороны империи, одновременно ставило под угрозу само существование этих стран. Слишком самостоятельные их действия рассматривались в Константинополе как угроза «деспотии» василевса и карались в том числе военными операциями вплоть до полного поглощения империей. Последнее было крайней мерой, поскольку мелкие архонтаты «деспотии» обеспечивали буферную зону между Византией и враждебными ей странами и народами. Обнажение же границ в большинстве случаев демонстрировало неспособность Империи эффективно обороняться только своими собственными силами.

Другую иерархию василевс возглавлял в качестве «духовного отца». Три страны рассматривались как дочерние относительно империи – Алания, Абхазия и Болгария. Статус «духовного сына» василевсов превозносил его носителя по сравнению с соседними князьями. Он использовался в знак уважения. Его надо было завоевать (как это сделали цари Болгарии) или можно было получить просто за сам факт максимальной поддержки действий Империи в определенном регионе (как цари Великой Армении).

Ни один светский правитель в международной иерархии не мог стоять выше императора ромеев. Однако был один внешний по отношению к империи «духовный» правитель, который рассматривался как «духовный отец» самого василевса – Папа Римский. Поскольку глава западной церкви был одновременно «духовным отцом» монархам Западной Европы, Византия вместе со своими «духовными детьми» вписывалась в большую систему родственных по признаку приверженности к христианству европейских народов.

Наконец христианский мир, лишь часть которого подпадала авторитету василевса, был окружен многочисленными и обширными странами, не укладывавшимися ни в одну из иерархий власти, к которым имел отношение Константинополь. И однако с ними также требовалось поддерживать дипломатические контакты, привязывать эти страны к себе союзами. Наиболее сильное дипломатическое средство, которое можно было использовать по отношению к правителям этих стран – присвоение им достаточно эфемерного статуса «возлюбленного друга» василевса, которым был, например, удостоен эмир Египта Мухаммед аль-Тугдж Ихшид.

Детальный историко-географический анализ содержания «списка адресатов» дает возможность уточнить хронологические границы подбора материалов для его написания. Хотя этот процесс и был протяженным, а документы, которые стали источниками для составителя, не были синхронными, однако он почти полностью укладывается в период с конца 20-х до середины 40-х годов X столетия. Таким образом, список был довольно актуальным к моменту его введения в текст трактата «О церемониях Двора» и являлся полноценным пособием для канцелярии логофета дрома.

ЛИТЕРАТУРА

- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Пер. под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991.
- Кузнецов П. В. Реальная политика или великодержавная идеология? Византийская дипломатия X в. по данным трактатов // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 73–99.
- Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- Луговой О. М. Межі «духовної сім'ї» та «деспотії» василевса ромеїв за матеріалами трактату «Про церемонії Двору» // *Libra*. Вип. IV. Одеса, 2017. С. 42–93.
- Оболенский Д. Византийское содружество наций. – М., 1998.
- Ферлуга Ж. Листа адреса за стране владаре из Къниге о церемонијама // *Зборник радова Византолошког института*, XII. 1970. С. 157–177.
- Юзбашиян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988.
- Bury L. L. D. The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogenetos // *English historical review*. Vol. XXII, №86, april, 1907. P. 209–227.
- Byzance et ses voisins. Études sur certains passages du Livre des cérémonies, II, 15 et 46–48 // *Travaux et Mémoires*, 13. 2000. P. 353–672.
- Byzantine diplomacy. Papers from the Twenty-fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, March 1990 / Ed. by J. Shepard and S. Franklin. Variorum, 1992.
- Constantini Porphyrogeniti imperatoris De Ceremoniis Aulae Byzantinae libri duo. II, 48 // *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, 16. Vol. I. Bonnae, 1829. P. 686–692.
- Reiske J. J. Commentarii // *CSHB*, 17. Vol. II. 1830.
- Dölger F. Die “Familie der Könige“ im Mittelalter // *Historisches Jahrbuch*, 60. 1940. S. 397–420.
- Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. 1 Teil. Regesten von 867–1025. München, 2003.
- Gay J. L'Italie méridionale et l'empire byzantine. P., 1904.
- Malamut E. Constantin VII et son image de l'Italie // *Byzanz und das Abendland im 10. und 11. Jahrhundert* / Her. von E. Konstantinou. Böhlau Verlag, 1997.
- Nicol D. M. Byzantium and Venice. A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1988.
- Nicol D. M. The Byzantine View of Western Europe // *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 8. 1967. P. 315–339.
- Ohnsorge W. Drei Deperdita der Byzantinischen Kaiserkanzlei und die Frankenadressen im Zeremonienbuch des Konstantinos Porphyrogenetos // *Abendland und Byzanz*. Weimar, 1958. S. 227–254.
- Ostrogorsky G. Die Byzantinische staatenhierarchie // *Seminarium Kondakovianum*, 8. 1936. S. 41–61.
- Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his World. Oxford, 1973.